ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 14.

Читая главу далее, мы узнаем о том, что 10 лет спустя после той телепередачи Гаджибала муаллим вспомнил о ней неожиданно во время съёмок телефильма «У очага», посвящённого ему. Один из эпизодов снимался тогда в Шамахе, у могилы Сеид Ширвани. До этих съёмок, как рассказывает автор книги, 70-летний Гаджибала Гусейнов не выезжал за пределы Абшерона. «И вот оказывается у последнего приюта благообразно почитаемого Сеид Азима, певец-аскакал почтительно обратился к воображаемой тени великого поэта: «Разрывая газели, я ем твои хлеб...» И далее он упомянул имя Фелеки Ширвани: «Мой господин, наверное, я впервые узнал твоего сограждания, который почёл с тобой на этом кладбище, впервые прочёл его стихи, считая, что никто его не знает. Но, заглянув в твоё «Тезкире», увидел, сколь высокой оценки ты его удостоил, и заплакал. Народ называет нас «устадом», но мы не знаем и сотой доли того, что знаешь ты... Прости нам наше невежество».

Я же вижу вину на тебе, что не знал, а за тобой, кто не послушал незнающих», – этими словами автор книги упрекнул учёных и мастеров высокого слова в пассивном отношении к трудам наших предшественников. Ну, а нам, листающим страницы этой книги, вышла честь поблагодарить академика Рзгусейнова за то, что, проделав огромную работу, он знакомит нас с великими соотечественниками, которыми мы по праву должны гордиться.

Далее автор книги сообщает, что самый значительный труд о Фелеки появился в 1929 году. «Увы, если после этого предлежит не нашлось более грамотного, это не заслуга чести. Обидно ещё в том, что упоминутая работа вышла в свет не в Баку, а в Лондоне, и написана не зарубежанским автором, а иностранным учёным по имени Хадр Ибрагим. После двухтомной монографии «Эпоха, жизнь и произведения Фелеки Ширвани» (1929), он ввёл в научный обиход исследование о новооткрытом редкостном «Диване» поэта (1950), а в 1958 году – новый труд, связанный с наследием Фелеки.

В 1967 году Тахери Шихаб издал в Тегеране «Диван» Фелеки на фарси, составленный из 30 касыд, одного стихотворения – «Хабсийе» (речь идёт о строках, созданных во время заточения), трех терхибендов, десяти неполных газелей, десятка рубаи, семи кыта и ещё четырёх поэтических вопросов. Будь этот сборник переведен хотя бы наполовину на азербайджанский язык, наши читатели получили бы отдельную книжку произведений Фелеки.

К переведенным в 80-е годы минувшего века я прибавил для этого очерка ещё несколько переводов. Но чувство непозволительной грубости до сих пор точит душу. Все стихи Фелеки, прожившего всего 39 лет, должны «заговорить» на родном языке!»

В подтверждение своих слов автор приводит в русском переводе газель поэта, равно как и перевод на азербайджанском языке, обращая внимание читателя на интересную структуру стихосложения, где вторая половина строки как бы «зеркально» отражает первую половину, что в оригинале создаёт особую мелодичность:

Не снизойдёт любовь моя, моя любовь не снизойдёт –
До ласковых цветов ми́г, на ми́г до ласковых цветов.
Разлука извела тоской, тоской разлука извела,
Свидание жизнь вдохнёт в меня, в меня свидание жизнь вдохнёт,
От милой вся печаль моя, печаль моя от милой вся.
И избавление от невзгод, от всех мучительных невзгод.
Мир обратился бы в цветник, в цветок бы обратился мир,
Не будь так строг красивый год, так строг не будь красивый год.

Довелташ Сахарканди (XV век) сообщает о том, что ширванский поэт преподнёс свой «Диван» внуку Тамерлана, правителю, снискавшему и славу учёного-астронома Улугбеку (1394-1449). Просвещенный правитель одобрил по портретам стихи, но не скрыл своего недоумения: «Странный псевдоним у него. Никаких добрых предзнаменований нет в этом псевдониме».

Преимущественно поэт Фелеки в своих переводчиках судьбы поэта, почувствовал потрясения, пережитые автором за короткую жизнь.

Первый повторяющийся стихом слово «фелек» – небо. Так ещё называли плеть, которой наказывали в средневековых восточных мусульманских школах-медресе. Судьба одарила Фелеки талантом, но при этом не поскупилась на испытания и мытарства...

Из дальнейшего повествования мы узнаём о том, что родился Фелеки в 1126 году, умер в 1165 году. В отрочестве был влюблен в дочь звездочета и, чтобы чаще видеть ее, записался в ученики к этому звездочету. На основе почерпнутых знаний, по свидетельству источников, он написал сочинение по астрологии. Был поэт сведущ и во многих других науках.

«Многие источники, в том числе, один из первый из них «Джавахир аль-асрар» – «Перлы тайн» Шейха Азеи-ра (скончался в 1490 году), сообщают о дружбе Фелеки с Хагани, об их одновременном ученичестве у мас-

Титого Абуль-Ула Ганджеви. И этих друзей разобщает любовь. Абуль-Ула решает выбор в пользу Хагани, полюбив его со своей дочерью, на которую «положил глаз» Фелеки. Абуль-Ула дарит ему 20 тысяч дирхемов со словами: «Ты на эти деньги можешь взять себе полстоин торчанок покраше дочери моей»...

Сеид Азим Ширвани, знавший об этой истории из старинных тезкиров и из бытовавшего в шамахинской среде предания, в своей «Тезкире» описывает развязку любовного соперничества двух поэтов таким образом: «Фелеки, опечаленный, не принял предложенной суммы, поцеловал руку устада и покинул его покои».

Потерпев фиаско на любовном фронте, он всё же пытался постичь загадку планет, невидимую землянам. В бессонные ночи, устремив взоры к звёздам, он вёл с ними мысленный диалог. Но и это не помогает ему избавиться «от снедающего его душу огня любви»:

Если мне не судьба быть напрасником верным тебе,
Ни с какою другой знаться я не могу, не велю.
Спросишь: как без меня ты живёшь? Мой ответ:
Я в невзгоде такой, что даже врагу не желаю.
Причаститься к тебе, мой цветок, не дано,
Прекомнится в другом, что не найти мне,
Рок меня покарал, впал я беду Фелеки,
Не позаирось, ославить себя на веку не желаю.

«И когда «любовная лодка разбилась о быт», в его поэзию вторгся туман печали, и Фелеки начал разговаривать с небом – «фелек» – по-иному на своем языке. Если прежде для него небо было сакральной книгой, и знаки зодиака казались ответами на мудрёные вопросы бытия, то теперь оно было для него скорбью потрясенной, адресатом его жалоб. До той поры Фелеки, забавляющийся звёздными ребусами, теперь им мнил затуманенным, затянанным зеркалом судьбы и начал сетовать на небеса.

Что пользу мне влачить печаль любви по свету
Когда и небо плоху к Фелеки, и ты сама.

Пока он только переживал прелюдию жизни, но ему казалось, что жизнь близится к закату.

Я чаял сладобытья счастья с тобой,
Но жизнь завершилась, и вся – непокой.
Ославив меня, отрешила учеться,
Минуя меня прелюдию удар роковой.

Увы, впереди его ждали ещё более крутые превратности судьбы, более трагические раны. Фелеки влекла другая избранница души – венценосная власть.

«В средневековые времена, – пишет автор книги на странице 191, -поэты нуждались во властительном признании, а дворцы – в дальновидных учёных, в даровитых художниках. Творцам слова августейшие милости были необходимы не только лишь для удовлетворения своих личных потребностей. Высокое покровительство, так или иначе, было подспорьем творческого самоутверждения, широкого признания, популяризации сочинений и дворцов